

© Гинзбург В.М.
E-mail: vmg@ginzburgi.ru
www.ginzburgi.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ТУРИЗМ ВО ВРЕМЕНА СССР

ПОЛЬША - ЧЕХОСЛОВАКИЯ, 1961 год

РУМЫНИЯ, 1966 год

БОЛГАРИЯ, 1971 год

После того, как мы побывали во многих странах и написали для себя и своих близких что-то, что мы назвали отчетами, появилась идея вспомнить о своих старых выездах в социалистические страны. Неожиданно воспоминания оказались насыщенными реалиями того времени, которые сегодня уже стали забываться.

При Сталине поездка в командировку за рубеж запросто могла закончиться лагерем, если не хуже, так как побывавший там возвращался потенциальным троцкистом и шпионом иностранных разведок. Директора Днепродзержинского металлургического комбината, заместителем которого был мой дедушка, в 1936 году направили в командировку в Германию на заводы Круппа, а в 1937 году расстреляли, обвинив в том, что он в каблуке ботинка привез письмо от Троцкого. Зарубежного туризма не было вовсе (как и любого другого). Когда уже после смерти Сталина папе предложили на 2 года работу в Китае, то дедушка и многие знакомые советовали ему отказаться из чувства самосохранения. А когда после его возвращения осложнились отношения с Китаем, то по той же причине он и его коллеги спрашивали "компетентные органы", не должны ли они вернуть китайские ордена и отмежеваться от Китая. Но была уже другая эпоха (а в Китае при Мао все было, как при Сталине, и папины аспиранты были высланы на поселение в деревню).

Я вошел в самостоятельную жизнь в послесталинскую эпоху, и мне было интересно посмотреть на мир. Но в командировки меня не посылали, а первые попытки туристом поехать в Польшу, а потом в Бельгию не увенчались успехом.

Когда я был на 3-ем или 4-ом курсе (1956-57 ?), в институте повесили объявление, что можно подать заявление на поездку в студенческой группе в Польшу. Родители обещали дать денег, и я написал заявление, сдал заполненную анкету и медицинскую справку. И получил от ворот поворот. В назначенное время я явился на сбор отъезжающей группы, куда меня вызвали, но в списке отъезжающих меня не оказалось. Помявшись, мне сказали, что, очевидно, я поздно принес справку о состоянии здоровья.

Потом, уже работая первый год в Гиредмете, я попытался (о, простак!) поехать в Брюссель на Всемирную выставку (1958). Я ходил по инстанциям и спрашивал, где можно приобрести путевку. Меня вежливо отправляли дальше, сначала в горком, потом в ЦК профсоюза, а потом еще куда-то. В конце концов я узнал, что нашему инсти-

туту выделено 3 путевки. Поехали директор, секретарь парткома и еще кто-то из докторов наук. Любопытно, что меня не отправили в психушку, а всюду говорили со мной вежливо и даже давали какие-то буклеты. (В Брюсселе я побывал почти через 40 лет, в 1996 году, и увидел знаменитый Атомиум.)

Наступила хрущевская оттепель. В 1961 году, на следующий год после моего пешеходного похода по Закарпатья, в Гиредмете повесили объявление о туристических путевках сразу в две страны Польшу и Чехословакию. Я подал заявление, и так как в институте меня уже знали, а я был комсомольским секретарем, то меня не выкинули из списка, и я удачно прошел по всем этапам оформления. Профком не возражал, чтобы мне выделили путевку (их было всего 2), а партком дал мне положительную характеристику. Потом надо было пройти собеседование в райкоме партии. Там была очередь, и всех била дрожь. Каждого входящего старые большевики, заседающие в комиссии, спрашивали о чем-нибудь мировоззренческом и политическом. Оказалось, что кроме любимых вопросов - кто руководит компартиями тех стран, куда направляются люди, спрашивали - что такое философия, и все терялись. Наконец народ в коридоре выработал краткий и емкий ответ: это любовь к мудрости. Все передо мной, и я тоже, так сказали. Еще спросили, какую я читаю газету, и дали разрешение на поездку.

Маршрут был такой: Варшава - Краков (Освенцим и металлургический комбинат Ленинская Гута) - Вроцлав - Прага (Карловы Вары и замок Карлштейн) - Брно (Лидице) - Чешские Татры. Ехали мы из Москвы на автобусе, который в Минске сломался, и в Варшаву мы опоздали на сутки и ее практически не увидели. Дело в том, что ехать за границу можно было только на автобусе, который был бы из московского спецгаража Интуриста, а шоферы должны были быть тоже из Москвы с загранпаспортами. Вот мы и провели сутки в Минске, ожидая из Москвы замену. Зато, здесь-то мы и познакомились с Янной.

Во время поездки нас пасла некая "Мамуля", которая была назначена руководителем группы. Она проводила партийно-комсомольские собрания, не позволяла нам ходить поодиночке, общаться с местным населением или петь американские солдатские песни (а мы пели все подряд в день годовщины начала войны, который нас застал во время поездки). Одна из туристок умудрилась заглянуть в ее дневник, где велись подробные записи, кто, что и по какому поводу говорил.

Мы увидели Польшу, еще не успокоившуюся после антисоветских выступлений (восстание было в Познани, и его подавляли советские танки). Тогда страну только возглавил Гомулка, распустили колхозы и отозвали в Союз маршала Рокоссовского. На пыльном автобусе (не нашем, так как наши бдительные водители всегда вечером мыли машину) ночью написали: "Русские собаки убирайтесь вон!" (Сам видел!). В Кракове меня поляки позвали на вечер в студенческий клуб, но мы не рискнули туда пойти, за что получили одобрение Мамули. На вопросы о культе личности Хрущева мы ответили, что это всенародная любовь, и обвинили польского гида в провокации. А Чехословакия была еще к русским дружелюбна, так как это было до ввода в Прагу танков.

Здесь как-то мы целую ночь прогуляли на Градчанах, и местные полицейские нам были искренне рады.

Поляки жили бедно, всюду висел плакат "Маргарин, как масло". Встречающие туристов поляки интересовались, что мы везем на продажу (кофе, капроновые чулки без шва, или даже вставные зубы (!?) для дантистов). А еще нас удивило даже не множество действующих костелов, а множество молящихся, особенно молодежи. Другой популярный плакат того времени - "Верой родина крепка". В Чехословакии, на наш взгляд, жилось лучше.

Из шедевров культуры нам удалось осмотреть в Варшаве знаменитый памятник Шопену в парке Лазенки, в Кракове - королевский замок Вавель с его удивительными гобеленами и театр с занавесом, расписанным великим польским художником Яном Матейко, а в Праге пользующуюся мировой известностью Национальную картинную галерею. А еще в Кракове мы набрали на Музей современной живописи, где впервые увидели абстрактную живопись, настрого запрещенную в это время у нас.

В программу входили посещение варшавского гетто, лагеря смерти в Освенциме и Лидице (чешской деревни, которую гитлеровцы сожгли вместе со всеми ее жителями). Все это произвело большое впечатление. Наверное, каждый должен хоть раз увидеть подобное, чтобы иметь представление о фашизме.

Наша группа была весьма разношерстной. Был профессор из МИИТа, сотрудницы Исторического музея, научные сотрудники, архитекторы, врачи, инженеры НИИ, проектных институтов и заводов. Интересно отметить пестрый культурный уровень туристов. Одна врач в пражской картинной галерее настойчиво интересовалась ценой каждой картины, о которой рассказывал экскурсовод. А еще один турист в Освенциме поинтересовался у директора этого мемориала, который там пробыл несколько лет и как раз сопровождал нашу группу, какая нашивка была на его лагерной одежде (тот нам рассказал, что у евреев, цыган, гомосексуалистов, коммунистов были особые нашивки разного цвета). Интересна реакция экскурсовода. Он сходу сказал примерно следующее: «Если бы вы были мой личный гость, то я дал бы вам по морде!» В завершение поездки один наш турист, начальник шахты из подмосковья, спьяна вошел в гостиницу через стеклянную стену, разбил ее, весь изрезался и испугавшись спрятался. Его все искали, а администрация выписала счет за стекло. Так как денег у него не было, то Мамуля грозила сообщить по месту его работы и сделать его невыездным.

Экскурсоводы во всех городах относились к нам очень тепло. Запомнилась пожилая полячка в Кракове, которая нас водила в театр. И еще гид в Брно. Она для нас организовала органнй концерт в костеле (после органной классики органист исполнил для нас Подмосковные вечера и разрешил всем подняться под купол, где он сидел у клавиатуры), посещение варьете (никто до этого ничего подобного не видел), сводила на церемонию бракосочетания в мэрию. Все это было сверх программы.

Мы много гуляли, убежав от надзора Мамули. Так в Кракове Музей современной живописи мы обнаружили самостоятельно. В Праге мы сами сходили на Карлов мост, к памятнику Яну Гусу, к знаменитым часам на ратушной площади и т.д. Были в пив-

ной, описанной у Гашека, где продолжал висеть портрет Франца-Иосифа. (Это место - святыня только для русских). Прохожие к нам относились весьма любезно. Во Вроцлаве, который через 15 лет после окончания войны еще оставался грудой развалин, мы втроем ехали на трамвае и поинтересовались у водителя, когда нам выходить, чтобы попасть в нашу гостиницу. Неожиданно, он специально для нас остановился между двумя остановками против нужного нам дома. Как-то, когда мы ехали из одного города в другой и сделали остановку посреди шоссе, около нас остановился грузовик и шофер подарил нам ящик черешни (кажется это было в Чехословакии). В Варшаве какой-то молодой человек неожиданно подарил мне значок с Сиреной - гербом города.

Жили мы в приличных гостиницах, питались в ресторанах (как-то в Кракове, когда у нас не хватило чайной ложечки для десерта, официант демонстративно учил нас, как пользоваться столовыми приборами). Для советских граждан начала 60-ых это было настолько непривычно, что мы себя чувствовали настоящими интуристами.

Нам на злотые и кроны обменяли 30 рублей (пополам). Но на эти деньги можно было купить кучу подарков, в том числе 2 нейлоновых дождевика (страшно модная новинка) - себе и папе, сумочку маме, тапочки бабушке, мелочь для себя, карандаши детям в Одессу и т.д. и т.п.

Кончилось все отдыхом в Татрах в курортном местечке Смоковец, где находится большой водопад с необычным названием Водопад у белой хаты. И там во время прогулки я, наверное, спас, а точнее не дал попасть в водную стремнину своей будущей жене. Мы переходили через поток чуть выше падения воды, и Янна не дала руку, как все, а пыталась самостоятельно прыгать с камня на камень и сорвалась, а я поймал ее и выдернул из воды... Потом из Ужгорода мы вместе улетели через Львов в Одессу, где у нее тоже были родные.

Ездить за рубеж ежегодно было запрещено, а получить две путевки для семейной поездки вообще было нереально. Но в 1966 году меня свели с одной дамой, которая работала заведующей отдела иностранного туризма в московском городском совете профсоюза металлургов, и она мне целевым образом выделила (безвозмездно) две туристические путевки в Румынию. Я как все просил в Болгарию, а она предложила менее востребованную страну - Румынию, о чем мы не пожалели. Опять надо было при оформлении проходить все инстанции. В райкоме партии на этот раз со мной беседовал какой-то инструктор, который опять спросил меня о читаемых мною газетах и стал жаловаться, что ученые газет не читают, политикой не интересуются, а поехать за границу хотят. Потом у меня дополнительно потребовали справку, что 1-ый отдел не возражает против моей поездки на отдых, и ее мне подписал заместитель директора по режиму на ходу в коридоре. Так же оформила разрешение и Янна.

Из Москвы выехала Янна одна, а я с пакетом свежей клубники сел в поезд в Киеве, где был на конференции по теории инвариантности, созванной впервые после смертной реабилитации проф. Г. Щипанова, поднявшего на свою голову эту проблему в 1939 году. Его обвинили в идеализме и посадили. Там была его дочь. Академик Б.Н.

Петров говорил теплые слова.

Маршрут на этот раз был следующий: Бухарест - Брашов - Плоешти - курорт Эфория (Констанца). Эта поездка была приятным отдыхом. Времена за 5 лет несколько изменились. Руководитель не утруждал себя надзором. Он предпочитал сидеть в ресторане в компании молодых дам, отвлекая их от денежных иностранцев. Из музеев запомнился только зоологический музей с изумительной громадной коллекцией бабочек. Мы не посещали каких-либо шедевров, но впервые легально много и самостоятельно гуляли по незнакомым городам, сверяясь только с туристской схемой. Однажды в Констанце, когда мы вынуждены были воспользоваться советом прохожих, это ни к чему хорошему не привело. Железнодорожный вокзал – по-румынски "гара" - мы из-за взаимного непонимания найти не могли, вернее мы сами интуитивно вышли к нему без помощи аборигенов.

В Бухаресте нам разрешили посетить дома моих институтских сокурсников (румына и москвички). Нас весьма гостеприимно встретили, накормили, напоили (напитки стояли не на столе, а на полу у ног хозяина) и рассказали о сложностях жизни и неоднозначности отношения к русским, живущим в Румынии. Вообще, в то время много говорили о сложностях между Чаушеску и Москвой.

На наш взгляд, Румыния оказалась красивой, чистой и ухоженной, но бедной страной. Это была Румыния раннего Чаушеску. Автомобили, холодильники, телевизоры и даже отвертки были из СССР и стоили для румын весьма дорого. Румыны даже стояли в очереди за разливным одеколоном. А мы пили ранее неизвестный нам оранжад и смотрели на них, как богатые родственники. Приличная одежда из кожи или шерсти продавалась в специальных магазинах Romarta (Румынское искусство), как произведения декоративного искусства. Мы там купили красивые детские вещи и кое-что для себя (помню замшевый пиджак, черную шерстяную рубашку и пр.). Меняли на валюту все также мало, но теперь официально разрешалось иметь дополнительно еще по 10 рублей на обмен внутри страны. Обмен провели организованно. Самим зайти в банк было нельзя. Денег нам не хватило. Игрушку для Саши мы выменяли на флакончик пробных духов. Так как мы не знали как по-румынски произносится слово «собака», я лалял во всех магазинах игрушек.

Все нам нравилось. Очень красив Бухарест, который местные жители считают маленьким Парижем, и город Овидия - Констанца, набережная которой покрыта мозаичными изображениями парусников и морской живности. Курорт Эфория Северная оказался тихим местом, где отдыхали граждане среднего достатка из соцстран и Германии. Местного населения там не было. Румыны жили в Эфории Южной – типичном для Союза южном поселке с турбазами, состоящими из одноэтажных фанерных домиков. Богатые иностранцы жили в другом городке - Мангалии, где были дорогие виллы и гостиницы. Как полагалось в соцлагере, это было три разных города и по уровню благоустройства, и по обслуживанию, и по снабжению съестным и всем прочим.

Мы остались довольны сервисом, так как никогда до этого не жили в уютных отдельных номерах со всеми удобствами. В Польше удобства были в коридоре. А здесь

мы однажды (в небольшом курортном местечке в горах – Дымбулморе) даже занимали этаж в отдельной вилле. На причесанном граблями песчаном пляже мы лежали под персональным грибком, который был нам специально предназначен. Сейчас ясно, что удобства соответствовали только трехзвездочному отелю, но и это для нас было непривычно и достаточно. Правду говоря, мы и не знали о такой классификации.

В Эфории мы отпраздновали пятилетие нашей свадьбы. Мы выставили группе к ужину несколько бутылок вина, а они нам подарили кое-какие подарки (например, елочные украшения в виде маленьких стеклянных космонавтов; мы их и сейчас вешаем на елку). Юбилею предшествовало небольшое, но характерное событие. Это был день приезда на курорт. Туристам из всех стран служители отеля разгружают багаж из автобусов и доставляют по номерам, а нам велели разгружать автобус самим, так как неудобно эксплуатировать дружественных румын. В результате один чемодан остался в багажнике и уехал в гараж. Были сильные переживания, предполагали, что чемодан похищен. Нас просили отменить выпивку. А назавтра утром чемодан нашелся, и его привезли хозяйке. Так советская щепетильность привела к глупейшему недоразумению. Позже в Болгарии мы праздновали мой день рождения.

Недоразумения были связаны только с режимом питания. Мы не знали, что существует понятие «европейский завтрак», и не могли освоить систему: легкий завтрак, нормальный обед и плотный ужин с закусками, горячими блюдами, пирожными и т.п. Народ роптал и просил перенести часть блюд ужина на завтрак, например, салат из помидор, огурцов и зеленого лука. Говорили об этом многократно, приглашали представителя Интуриста, и он, очевидно, что-то где-то сказал. Эффект был неожиданным. На завтрак всем в дополнение к обычному набору блюд (булочка, ломтик колбасы, масло, джем) подали по огромной луковице-репке. Возник шум, лук больше не подавали, но и объем завтрака практически не изменился. Все это можно было бы избежать, так как нас обслуживали не румыны, а русскоязычные русины, которые проживают в тех местах. Они то знали, что едят утром славяне.

В соседнем отеле жили федеративные немцы, и пожилые дяденьки приходили к нам поговорить по-русски и вспомнить, как они воевали под Смоленском.

Случайно мы наблюдали встречу Чаушеску и Чжоу Эньлая (премьера Китая) с народом. Встречающих в национальных нарядах, как и у нас, выстроили с цветами вдоль дороги. Часа через три проехала машина с дорогими гостями. Все им помахали и пошли на пляж. Но дом Чаушеску, когда он пустовал, не охранялся, и мы даже однажды помочились в его саду (терпезу не было).

После поездки в Румынию у нас остались приятели, с которыми мы встречаемся долгие годы.

Потом был снова перерыв до 1971 года. Прошло пять лет, и я опять подал заявление на путевку в Болгарию. Мне ее дали, а вторую путевку для Янны опять помогла достать все та же знакомая из горкома профсоюза. Теперь я уже никуда за разрешением не ходил, его где-то оформляли заочно. Бумаги Янны я просто отнес в горком, а в

Гиредмете об этом даже и не знали.

Маршрут по Болгарии был прост: Боровец (зимний курорт в Рильских горах) - София - Камчия (морской курорт южнее Варны). Здесь все оказалось проще и скромнее. Мы были гостями не крупной болгарской туристской фирмы Балкантурист, а новой начинающей профсоюзной фирмочки. Нас отправили на т.н. "отдых", а не туризм. Культурной программы не было, а нам в Москве и в голову не пришло поинтересоваться такими тонкостями.

Коллектив был весьма специфический. Это были в основном рабочие московского медеплавильного завода, которые такую путевку получали бесплатно или со значительной скидкой. Они были удивлены, что кто-то платит за это деньги. Когда мы были в горах, утром они брали одеяло, ложились на травку и играли в карты. На море то же делали на пляже. Небольшую группку инженерной интеллигенции, которую дали пролетариату в нагрузку, местный «Папуля» (он выполнял ту же роль, что и «Мамуля» в Польше) учил жить.

Кроме обзорной экскурсии в Софии нам ничего не показали. Но мы всюду старались побывать сами. Из Боровца за свой счет поехали в великолепный Рильский монастырь, расположенный в горах. В Софии много гуляли по городу, ходили в драматический театр имени Ивана Вазова (неожиданно попали на "Мещан" в постановке Товстоногова, копию постановки в БДТ). Из Камчии съездили в Варну и на Солнечный Брег, взглянуть на популярные в Союзе курорты. Нам все показалось погрязнее и многолюднее, чем в Румынии. Хотя считалось, что Болгария самая близкая и дружественная СССР страна, мы увидели какую-то озлобленность, которая была сформулирована фразой: "Все хорошие помидоры увезли в Союз!"

Мы лежали на мало оборудованном пляже, могли взять сухой поек и уехать самостоятельно на любую прогулку. Надо было только понять как кивает в ответ на ваш вопрос водитель автобуса, так как кивок сверху вниз означает отказ. Мы каждый раз покупались, хотя были готовы к этому. Вечером можно было сходить посидеть в кафе, но это было доступно и даже дешево в Боровце, так как это зимний курорт, и летом там цены низкие, несезонные. На море же был разгар туристического сезона, и все было существенно дороже. Но с деньгами было проще, так как контрабандные небольшие рубли можно было обменять в любом банке. Мы этим воспользовались.

Потом был перерыв в 25 лет. Я ушел из Гиредмета, и моя дружба с горкомом металлургов закончилась. Получить две путевки во ВНИПИНефти было невозможно. Кроме того, я занялся засекреченной работой над системой Алмаз, что с дальними поездками было несовместимо. Однажды я пытался поехать в Югославию, и получил согласие институтского партбюро, но путевку у меня в последний момент перехватил секретарь партбюро нашего отделения (путевка на сотрудников отделения была выделена одна).